

1.4 РОССИЙСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПЕРИОДА ЗАСТОЯВШЕГОСЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Осипян Борис Арташесович, канд. юрид. наук. Должность: старший научный сотрудник. Место работы: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. E-mail: artos5@mail.ru

Аннотация. В своей статье «Российское правосознание и законодательство периода застоявшегося крепостного права» автор посредством рассмотрения тогдашнего состояния русского правосознания и законодательства выявляет пагубные последствия многовекового действия, так называемого, «крепостного права», посредством которого было поработано большинство русского народа, особенно многомиллионного крестьянства, в которых полностью было подавлено чувство богоданного человеческого достоинства и личной чести, доброй совести и верного правосознания, созидательной свободы и предприимчивости, правовой и трудовой ответственности.

Впоследствии все эти ужасные изъяны характера и душевного склада большинства русских людей неизбежно отразились на их общей культурной отсталости и безрадостной повседневной государственной и бытовой жизни, которая периодически сопровождалась многообразными социальными потрясениями, бунтами, мятежами, массовыми беспорядками, кровавыми революциями и гражданскими войнами.

Ключевые слова: *российское правосознание и законодательство периода застоявшегося крепостного права, многовековое действие крепостного права, подавленное чувство богоданного человеческого достоинства и личной чести, доброй совести и верного правосознания, созидательной свободы и предприимчивости, правовой и трудовой ответственности.*

THE RUSSIAN LEGAL CONSCIOUSNESS AND LEGISLATION OF THE PERIOD OF THE STAGNANT SERFDOM LAW

Osipian Boris, candidate of law. Position: senior researcher. Place of employment: The institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation. E-mail: artos5@mail.ru.

Annotation. In his article «The Russian Legal Consciousness and Legislation of the Period of the Stagnant Serfdom Law» the author through consideration of the former condition of the Russian legal sense and the acting State legislation reveals various fatal consequences of centuries-old influence of so-called «serfdom law», by which he majority of the Russian people, especially the multimillion Russian peasantry, has been enslaved, and in which the feeling of God-given human dignity and personal integrity, good will and true sense of justice, creative freedom and initiative, legal and labor responsibility have totally been suppressed.

Afterwards, all these horrible defects of the character and soul of the majority of the Russian people were inevitably reflected in their general cultural backwardness and a sad daily household life, which had periodically been ac-

companied by many different social shocks, revolts, mutinies, mass disorders, bloody revolutions and civil wars.

Keywords: *the Russian legal consciousness and legislation of the period of the stagnant serfdom law, centuries-old influence of the serfdom law, suppressed feeling of God-given human dignity and personal integrity, good will and true sense of justice, creative freedom and initiative, legal and labour responsibility.*

«В России есть лишь два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым...»¹.

Представляется, что не всем учёным историкам и правоведам известен тот печальный факт, что так называемое «крепостное право» зародилось на православной «святой Руси» не случайно и не сразу, но закономерно и постепенно и уже в XV-XVII веках нашло своё суверенное, неязыческое, сугубо мирское и экономически предопределённое идеологическое и политическое обоснование, признанное высшими иерархами тогдашней греко-русской православной церкви и затем законодательно утверждённое высшими правительственными чиновниками и судьями. Дело в том, что в те далёкие времена для нормального развития своего личного хозяйства русские крестьяне (от слова «Хрестьяне»)², как некогда бывшие «вольные хлебопашцы», по причине отсутствия в России банков, нередко вынуждены были брать у своих ближайших православных монастырей денежную ссуду, т.е. так называемую тогда «подмогу» в размере двадцати процентов годовых. Когда эти крестьяне-должники вовремя не могли возвращать занятые у православных монастырских служителей и попов, землевладельцев или помещиков занятые ими денежные суммы, то они вольно или невольно ещё крепче материально привязывались и психологически «закрепощались» своими изначально корыстными, жадными, немилостивыми и жестокосердными кредиторами и духовно-нравственными православными попечителями, которые стали их фактическими хозяевами, работодателями и расчётливыми ростовщиками.

Идеологически подкованных, суевериями заражённых и психологически привлечённых в православно-поповские ловушки экономически нуждающихся и обманутых русских крестьян, работавших на своих монастырских землях, тогда называли «серебренниками», т.е. взявшими церковное серебро и попавшие в личную западню и хозяйственную зависимость от русских православных монастырей, которые, как правило, постановляли: «А коли серебро заплатит, тогда ему и отказ».³ Фактически русские православные монастыри занимались запрещённым христианским правосознанием и нравственностью, правовой наукой и идеологией и иными церковными канонами преступным ростовщичеством и греховным превращением свободных «рабов Божьих» в подневольных рабов Божьих тварей — человек, которые представляли в России «духовное сословие». Воцерковлённые и подъярем-

1 См.: Сперанский М.М. по кн.: История государства и права России. В документах и материалах. Минск, 2005. С. 230. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времён до 1861 г. /Сост. П.П. Епифанов, О.П. Епифанова. М., 1987. С.341.

2 См.: Осипян Б.А. Русский язык как ключ к познанию духа русского права //Современное право. 2007. № 9. С. 23-29. Истоки русского правосознания //Современное право. 2008. № 3. С. 53-59.; № 4. С. 55-59. «Русская Правда» как зародыш русского права //Lex Russica. 2011. № 4. С. 651-667.

3 См.: Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. Издательство Белорусского Экзарха. Минск, 2006. С. 209.

ные русские мужики-крестьяне вынуждены были денно и нощно служить ненасытной человеческой корысти, тщеславию, властолюбию и похотям православных «священнослужителей»⁴, вместо того чтобы по доброй своей совести, свободно и ответственно служить Самому Господу Богу согласно библейскому принципу: не из страха, а по доброй совести «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам».⁵

Получилось так, что православно-церковные и иные официальные проповедники христианского нестяжания и ответственной свободы по своему духовному невежеству или своекорыстному злему умыслу фактически первыми становились лицемерными и сребролюбивыми стяжателями — человекоушниками, и вместо духовно-нравственной проповеди, просвещения и духовного освобождения соотечественников — сельских христиан (крестьян), стали психологически, физически и материально поработать их. Разумеется, что закабалённые попами русские крестьяне, которые имели лишь «шапку да кафтан», «мешок да горшок» или «душу да тело», не могли больше оставаться и быть вполне свободными и ответственными субъектами своей личной и семейной жизни, равно как и делателями истории родной своей страны — России. Иными словами, «крепостное право» паразитирующих на подневольных православных русских крестьянах церковных и поместных землевладельцев постепенно превращалось в возмутительно откровенное богопротивное, человеконенавистническое и противоправное «крепостное рабство» для всех подъяремных и подневольных трудящихся на родной русской земле.

По справедливому мнению некоторых отечественных и зарубежных историков, крепостничество на «святой Руси» было обусловлено также определёнными духовно-нравственными и социально-психологическими причинами и факторами, поскольку законодательное и реальное закрепощение русских людей весьма облегчалось и усугублялось также духовной незрелостью, необразованностью и нравственной распушенностью большинства поработанных русских людей.⁶ Как известно, общепринятое «законное право» личного перехода подневольных русских крестьян от одного хозяина к другому хозяину было ограничено ещё Судебником 1497 года⁷ «Юрьевым днём». Тогда после возмещения всех обязательных выплат своему хозяину или кредитору русский крестьянин мог уйти от него только один раз в год, т.е. в день ознаменованного окончания всех осенних полевых работ, который был законодательно признан 26 ноября каждого года. Русский крестьянин, ушедший от своего законного хозяина без предварительного получения разрешения, т.е. «отказа», считался правонарушителем и «беглым». Он объявлялся «вне закона» и немедленно подлежал розыску и принудительному возвращению под иго прежнего его хозяина — православного монастыря или помещика. Судебник

1550 года⁸ лишь несколько увеличил размер «пожилого» — платы за законный выход от одного хозяина и переход к другому хозяину. Судебник (Соборное Уложение) 1649 года⁹ в основном завершил процесс полного законодательного закрепощения многострадальных русских крестьян, которые фактически были превращены в «говорящую скотину»,¹⁰ поскольку этот закон уже отменял действовавший тогда институт «урочных лет».

Надо отметить, что в то время побег русских крестьян от своих жестоких попов и помещиков носили частный и повальный характер, а полиция и суды были завалены жалобами о непокорных и «беглых крестьянах». Согласно прежнему царскому указу 1597 года устанавливался пятилетний срок («урочные лета») для публичного розыска и возвращения беглых крестьян их законным хозяевам — православным попам и помещикам. В 1640 году этот срок, т.е. «урочные лета», был продлён до десяти лет особым царским указом. Нередко прежние хозяева произвольно отказывались отпускать своих «любимых» крестьян на волю даже при соблюдении ими всех условий закона об их освобождении. Обычно русские крестьяне в знак протеста против неограниченного произвола своих хозяев вынуждены были устраивать массовые беспорядки, мятежи, бунты, грабежи и насилие над своими жестокосердными и ненавистными хозяевами. Накопившаяся веками эта ненависть подневольных русских трудящихся против своих православных попов и помещиков в революционном 1917 году довела их до того, что они безжалостно массово расстреливали или сбрасывали наземь своих православных попов с высоких церковных колоколен, а хозяев-помещиков мстительно убивали и поджигали при каждом удобном случае под флагом нового «пролетарского права».

Во второй половине XVII века в крепостной России стали появляться так называемые «ссудные записи», т.е. договоры, которые содержали в себе условие о том, что крестьянин, взявший у монастыря или помещика ссуду, обязуется «жизии вечно во крестьянстве» и «никуда не бежати и ссуды не снести», «и за иных помещиков и вотчинников не заложитися». По ссудной записи русский крестьянин за взятый долг с процентами не только добровольно отказывался навсегда от права законного ухода от своего помещика, но и полностью поручался за отказ членов своей семьи: за свою жену, сына, дочь и даже внуков: «Дали мы, я ... с женою своею и с сыном и со внуком своим, на себя ссудную запись...»¹¹. Российское государство же для своей экономической выгоды неправомерно узаконило такое «крепостное право» православных монастырей и помещиков¹², запретив под угрозой наказания и взыскания огромного денежного штрафа другим помещикам принимать к себе на работу и житие беглых

8 См.: Осипян Б.А. Судебник 1550 года, «Домострой» и иные уставные царские грамоты и указы как законодательное проявление святорусского правосознания //История государства и права. 2012. № 17. С. 13-20.

9 См.: Осипян Б.А. Соборное Уложение 1649 года как гарантия «равной расправы и суда» при «тягловом строе» //Современное право. 2015. № 3.+ С. 154-159.

10 Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века. Учебное пособие. / Под ред. В.В. Керова. М., 2009. С. 125.

11 Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. Издательство Белорусского Экзарха. Минск, 2006. С. 210.

12 См.: Осипян Б.А. Противоречивость дореволюционного российского законодательства как существенное условие будущих революционных потрясений //История государства и права. 2009. №14, №15, № 16. С. 31-33. С. 34-36. С. 30-34.

4 Заметим, что в своё время русский император Пётр I нередко прямо укорял многих православных попов в праздности, бездельничестве, блуде, пьянстве, попрошайничестве и своими царскими указами принуждал их к обязательному духовному обучению и труду.

5 Библия. Новый Завет. Деяния святых апостолов, 5:29.

6 Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века. Учебное пособие. / Под ред. В.В. Керова. М., 2009. С. 123.

7 См.: Осипян Б.А. Русский Судебник 1497 года как право-идеологическая основа зарождения централизованного государства //История государства и права. 2011. № 4. С. 23-27.

русских крестьян, чрезмерного обремененных непосильными работами и платежами.¹³

Русские крестьяне периода действия ненавистного им «крепостного права» в течение многих веков постепенно превращались в бессловесных скотов и бесправных, родословных и потомственных рабов, которые сами не были вправе «искать и отвечать» в суде: за них всё делали их хозяева — владеющие огромными земельными наделами православные монастыри или помещики. Именно так, посредством постоянного и узаконенного жёсткого подавления чувства личной свободы и ответственности русских крестьян «крепостное право» духовно, нравственно и юридически развратило весь православный «русский мир» сверху донизу, Оно оставило глубокую и трудноисцелимую рану в душах и правосознании большинства русских людей, поскольку неузнаваемо исказило в них благодатный христианский дух правомерной и личной ответственности большинства русских людей¹⁴.

По мнению некоторых известных учёных исследователей, в большинстве далёких от центра и пограничных областей тогдашней крепостной России, включая Сибирь, крепостные русские крестьяне работали на себя и потому ненавистной им неволи и крепостного рабства не знали и не испытывали и, возможно, потому остались более свобододолюбивыми, добросовестными, добродушными, трудолюбивыми и состоятельными «сибиряками». В 1860 году всего лишь около одной трети крепостных крестьян на юге России сидели на оброке. Остальные крестьяне, составлявшие примерно две трети крепостного населения, обрабатывали барщину, при которой земля, на которой они работали, разделялась на две основные части: добрую часть земли крестьянин пахал на попа или помещика, а другую часть земли он пахал на себя и своих домочадцев. Некоторые православные русские крестьяне совмещали несение непосильного денежного оброка с физически изнурительной барщиной, наиболее тяжёлой формой которой была так называемая «месячина».¹⁵

В тяжёлых условиях противоправного режима русского «крепостного права» начала XVIII века невыносимое рабское положение подавляющего большинства населения усугублялось введенной императором Петром I рекрутской обязательной воинской повинностью, которая оборачивалась для молодых русских мужчин и их родных семей великим и пагубным злом, поскольку она разрушала все традиционные семейные устои русских людей. Поэтому многие разумные русские крестьяне смотрели на призыв в армию и длительную солдатскую службу как на пожизненное заключение или смертный приговор. Самим монастырским попам и помещикам экономически выгодно было, чтобы подручные им крестьяне женились молодыми, бурно плодились и размножались и сажали на работу молодых своих жён, поскольку действующий веками правомерный русский обычай освобождал от барщины

незамужних девушек и женщин.¹⁶ Поэтому многие православные попы и помещики заставляли своих крепостных крестьян жениться сразу же по достижении их совершеннолетия, иногда и пораньше, подбирая для них подходящих невест. Из классической русской литературы известно, что нередко «глубоко верующие», воцерковлённые и чрезмерно набожные русские православные помещики по причине своей половой распущенности держали в своих поместьях небольшие гаремы из молодых крепостных девушек. Все это приводило простых русских крестьян в сильное возмущение, которое заканчивалось массовыми убийствами сластолюбивых и похотливых помещиков и поджогами их домов.

Русское крепостничество веками прививало многим русским людям вредную привычку к всякого рода беззакониям и подавлению чувства правомерной личной свободы и ответственности. Даже у самого материально обеспеченного русского крестьянина не было личных прав и свобод, соизмеримых с богоданным и богообразным человеческим достоинством¹⁷, поскольку помещики могли их лично и неправоммерно судить, безнаказанно поступать с ними по своему произволу, содержать их в тюремном заключении или ссылать их в Сибирь в качестве меры психологического устрашения и подавления свободной воли непокорных им крестьян.¹⁸

Надо заметить, что до середины XIX века всякая добросовестная оценка, научная или литературно-публицистическая критика пагубного действия «крепостного права» и произвола властей в России считалась нежелательной, незаконной и преступной. Тогда почти все русские цари были убеждены в том, что основной причиной всяких «жестоких и бессмысленных» крестьянских бунтов, народных смут и мятежей было не противоправность самого «крепостного права», а тлетворное влияние на российскую молодежь «вольнодумных», «зловредных», «праздных» идей иностранцев, которых надо держать под строгим контролем. Именно тогда и поэтому за российским православным духовенством и правительством всегда признавалось узаконенное право решать, что его подданным полезно и можно думать, писать, читать и публиковать в печати. Уже в XVII веке власти приказали уничтожить староверские книги, равно как и некоторое количество напечатанных в Киеве духовно-религиозных трудов, которые, по мнению русского православного духовенства, были слишком засорены иноверным и иноземным «католичеством» и всякими «латинизмами». Примечательно то, что вплоть до 1783 года все печатные станки в России принадлежали либо царскому правительству, либо так называемой тогда «греко-русской православной церкви», которая формировала познавательные возможности и читательские вкусы небольшой части грамотных людей.

В XVIII веке официальная цензура свободы слова и печати несколько смягчилась и в основном была доверена учёным людям из Российской Академии наук, которые по известным причинам несравненно бережно

13 Библия. Новый Завет. Лука, 11:46: По данному положению Библии истинная христианская вера запрещает хозяевам налаживать на рабов Божьих «бремена неудобноносимые».

14 См.: Осипян Б.А. Русская Правда как зародыш русского права //Lex Russica. 2011. № 4. С. 651-667. //Религия и право. 2011. № 4. С. 39-46. Объединяющая и направляющая сила духа русского права //История государства и права. 2010. № 20. С. 40-43.

15 См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж. Массачусетс. 1974. С. 34-35.

16 См.: Осипян Б.А. Процессы взаимодействия обычая и права //Современное право. 2006. № 4. С. 51-57.

17 См.: Осипян Б.А. Достоинство человека как высшая правоохраняемая ценность //Вопросы правоповедения. 2011. № 1 (9). С. 85-101.

18 См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж. Массачусетс. 1974. С. 35-47.

пользовалась переданными им цензурными полномочиями и тем самым до начала Французской Революции позволяли многим грамотным россиянам читать те иностранные книги, которые они сами хотели и моли читать по своему вкусу, свободному выбору и интересам. Однако всё это с 1790 года впоследствии сменилось жёсткой правительственной цензурой, когда Екатерина II изъяла из читательского оборота «Путешествие из Петербурга в Москву», а самого автора этого «крамольного» трактата А.Радищева велела посадить в тюрьму. Такая цензурная политика продолжалась также и при правлении русского царя Павле I, который запретил ввоз в Россию множество иностранных книг, а незаконные летописные рукописи и книги предал публичному сожжению для сохранения «крепостного режима».

Однако с момента вступления на российский императорский трон более просвещённого и образованного русского царя Александра I жёсткая правительственная цензура снова законодательно была смягчена и значительно ослаблена. Затем цензурный, кодекс, утверждённый русским царём Николаем I в 1826 году, который для распространения какого-либо печатного издания авторам и издателям обязывал предварительно заручиться официальным разрешением одного из специально созданных им «цензурных комитетов», которые заботились о том, чтобы подконтрольные им печатные материалы не содержали в себе каких-либо «зловредных идей», но всячески способствовали укреплению установленной властями православной нравственности, «крепостного права» и самодержавного порядка¹⁹.

К середине XIX века многовековое и ставшее традиционным «крепостное право» в России явно застоялось и существенно тормозило нормальное национально-государственное развитие страны. С благородной целью правомерного ослабления этого ненавистного социального тормоза и «застоя», а также установления порядка строгой законности в государственном управлении в 1801 году русский царь Александр I, старший сын императора Павла I, попытался установить в «едином законе начало и источник народного блаженства». Для этого он впервые в России создал специальную «комиссию по составлению законов» и «непременный совет» из двенадцати юридически образованных и сведущих людей для приведения несистематизированного и некодифицированного (неупорядоченного) российского законодательства в надлежащий правовой порядок²⁰. Дело в том, что тогда российские чиновники так и не стали верными «слугами народа», но в основном занимались своекорыстным произволом и всевозможными злоупотреблениями своими полномочиями за счёт государственной казны.

В 1802 году русский император начал проводить существенные реформы органов государственного управления. Он, как самодержавный и верховный законодатель России, по своему личному почину и деятельной ответственности учредил новые министерства вместо прежних «петровских коллегий»: министерства юстиции, внутренних дел, военных, сухопутных и морских сил, иностранных дел, коммерции, финансов и народного просвещения. За деятельностью этих

новоиспечённых министерств должен был следить судебно-административный надзиратель Сенат как «хранитель законов», которому эти министерства должны были представлять соответствующие ежегодные отчёты. Тогда ещё не были созданы также необходимые органы местного народного самоуправления²¹. Тайная экспедиция Сената постепенно была заменена таким высшим надзорным и контрольным органом, как комитетом по охране общественной безопасности.

В 1809 году все российские государственные чиновники и служащие должны были пройти обязательную аттестацию на свою благонадёжность и профессиональную пригодность посредством сдачи специальных экзаменов на получения чина по «Табели о рангах».²² До этой процедуры все государственные чиновники также должны были предварительно получить университетское или гимназическое профессиональное образование и иметь для своей профессиональной службы соответствующий диплом специалиста.

С 1830 по 1832 годы было составлено и официально издано первое в истории России «Полное собрание законов Российской Империи», которое состояло из сорока шести томов, включавших в себя более тридцати тысяч отдельных нормативно-правовых актов. После этого был разработан и опубликован «Свод законов Российской Империи» в пятнадцати томах. Разумеется, что проводимые в стране такие необходимые законодательные реформы М.М. Сперанского не у всех русских чиновников и простых людей вызвали однозначно положительную оценку²³, особенно после составления и принятия Конституции Царства Польского 1815 года²⁴, составления авторского проекта Конституции декабриста Никиты Муравьёва, о конституционной монархии, конституционного проекта «Русской Правды» другого известного декабриста П.И. Пестеля о республиканской форме правления в России. Во всех этих конституционных проектах были по-разному отражены модные тогда идеи западноевропейского правосознания, государственного управления и местного народного самоуправления.

Во всё время многовекового действия «крепостного права» дети русских крепостных крестьян, которые в подавляющем большинстве своём фактически были безграмотны,²⁵ не имели никакой возможности посещать какие-либо государственные учебные и образовательные заведения и потому лишь немногие из них могли научиться элементарной грамоте у православного сельского попа или дьячка. Действующие семилетние гимназии фактически были закрытыми учебными заведениями для привилегированных дворянских

21 См.: Осипян Б.А. Истоки идеи публичной власти в форме народного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 7-12.

22 Указ Александра I, изданный в 1809 году по совету М.М. Сперанского, устанавливал, что для повышения в восьмой чин чиновникам полагается сдать экзамен. Этим указом также разрешалось посредством экзамена продвижение из восьмого чина сразу в пятый. Однако и эта и другие подобные попытки разбивались о плотное сопротивление чиновничества.

23 Например, против этих существенных законодательных преобразований и нововведений резко выступал главный идеолог дворянского сословия - известный историк Н.М. Карамзин.

24 Напомним, что в 1815 году был основан «Священный Союз» христианских европейских народов и государств.

25 В середине XIX века лишь 7% крепостных крестьян в государственных деревнях и 1% в помещичьих деревнях владели основами грамотности. / Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века. Учебное пособие. / Под ред. В.В.Керова. М., 2009. С. 349-350.

19 См.: Осипян Б.А. Критерии правомерности типов и форм государства // История государства и права. 2007. № 18. С. 7-11. Причины разнообразия форм государственного правления и устройства // Современное право. 2009. № 1. С. 25-34.

20 См.: Осипян Б.А. Высшая миссия законодательной власти // Представительная власть-XXI век. 2004. № 5. С. 5-9.

детей. Согласно Циркуляру царя Александра I главной целью и основной задачей полностью подконтрольно-светского гимназического и университетского образования было воспитание и образование «верных подданных государя и верных сынов православной церкви».²⁶ Университетский устав 1815 года полностью уничтожил объявленную автономию университетской жизни, учредив должность попечителя учебного округа и существенно повысив высокую плату за обучение. Более того, в целях предотвращения повторения событий 14 декабря 1825 года и существенного усиления идеологической борьбы со всякого рода «крамолой» в 1826 году был принят цензурный устав постоянного надзора секретным комитетом за духом и направлением развития русской истории²⁷, политико-правовой мысли, поэзии, литературы, публицистики и критики.

Выстраивая более жёсткую вертикаль власти, более консервативно настроенный русский царь Николай I, полностью подчинил органы местного народного самоуправления власти непосредственно подчинённых и подконтрольных ему губернаторов «немытой страны рабов, страны господ» (М.Ю.Лермонтов), а также поставил их «демократическую самодеятельность» под строгий контроль «всевидящего глаза и всеслышащих ушей» многочисленных штатных и внештатных агентов тайной полиции. Для поддержания социального правопорядка, наряду с министерствами, департаментами, управлениями и отделениями, были созданы также «главные управления» государственного контроля и ревизии государственных счетов путей сообщения, управление духовных дел неправославных, так называемых, «инославных» вероисповеданий и т.д..

В 1826 году русский царь назначил Верховную Следственную Комиссию для расследования причин восстания и вынесения рекомендаций о наказаниях виновных. Задача перед Комиссией стояла необыкновенно трудная, поскольку в России того времени не было не только уголовного кодекса, но и точного юридического определения понятия преступления против государства. До этого момента наказания за совершение государственных преступлений устанавливались Указом Петра I от 25 января 1715 года, согласно которому все верноподданные Российской Империи под страхом суровой кары обязывались доносить властям о «неблагонадёжных лицах» и их действиях, могущих нанести вред государственным интересам. Виновные лица, в частности, «декабристы», подвергались смертной казни, либо принудительно отдавались в солдаты.

Нововведённое «Уголовное Уложение» 1845 года в статьях 263 и 276 соответственно третьего и четвертого разделов «О преступлениях государственных» и «О преступлениях и проступках против порядка управления» устанавливало следующее: «Любая попытка ограничить власть русского православного самодержца или заменить существующий порядок государственно-правления, равно как убедить других совершить вышеозначенное или заявить открыто о подобных намерениях, либо укрыть лиц, виновных в сих преступлениях, содействовать им или не донести о них должна повлечь за собой смертную казнь или лишение всех

прав состояния; распространение словесное, письменное или печатное идей, которые, не являясь подстрекательством к бунту в вышеозначенном смысле, подвергают сомнению верховную власть или вызывают неуважение к государю или его престолу наказывается лишением всех прав состояния и каторжными работами на время от четырех до двенадцати лет, равно как телесными наказаниями и наложением клейм. Изобличенные в составлении и распространении письменных или печатных сочинений или изображений с целью возбудить неуважение к Верховной власти, или же к личным качествам Царя-Государя, или к управлению Его государством, приговаривались, как оскорбители Его величества, к лишению всех прав состояния и к ссылке на тяжёлые каторжные работы в крепостях сроком от десяти до двенадцати лет. ...Виновные в составлении сочинений или изображений сего рода, но не изобличенные в злоумышленном распространении оных, приговаривались за совершённое деяние к заключению в крепости на срок от двух до четырех лет. За составление и распространение письменных или печатных сочинений и за произнесение публично речей, в коих, хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против Верховной Власти, усиливаются оспаривать или подвергать сомнению неприкосновенность прав ее, или же дерзостно порицать установленный законами образ правления, или порядок наследия Престола, виновные подвергались лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах на срок от четырех до шести лет».²⁸

Официальное и судебно-правовое поражение личности имени, достоинства и чести прочих закоренелых преступников в крепостной России осуществлялось посредством публичного объявления и клеймения их как «воров» посредством выжигания на их лбах буквы «В». Некоторые преступники, например, закоренелые мошенники, подвергались «шельмованию», т.е. «лишению всех прав и состояния», объявлению их вне защиты закона. Последствием такого вида наказания могло стать то, что ошельмованные люди могли быть безнаказанно побиты, ранены и ограблены разными людьми; им пожизненно был закрыт также доступ в благородное общество. Смертная казнь могла быть назначена как за проявленное прилюдно богохульство и злоумышленное убийство, так и за неосторожный сон на посту или во время несения военным служащим боевого дежурства.

До отмены «крепостного права» российское уголовное законодательство за совершение одинаковых преступлений лиц из разных сословий обычно предусматривало разные виды и размеры наказания согласно уголовно-правовому принципу «индивидуализации наказания» в зависимости от личного правового положения и особенностей подлежащего наказанию виновного лица. Обычными мерами уголовного наказания для злоумышленников и «лиходеев» были посадка на хлеб и воду, битьё батогами, хождение по кольям, клеймение железом, обрезание ушей, отрубание мечом конечностей и головы.²⁹ Такие жестокие меры уголовно-правового наказания, как повешение, колесование,

²⁶ Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века. Учебное пособие. / Под ред. В.В. Керова. М., 2009. С. 350.

²⁷ Заметим, что ныне широко пропагандируемая политическая идея правительств по составлению единых учебников по истории России имеет свои глубокие идеологические и исторические корни со времён «крепостного права».

²⁸ Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж. Массачусетс. 1974. С. 359-379.

²⁹ Такие виды уголовного наказания, например, применялись к осуждённым за совершение мужеложства, любовной связи между родственниками, изнасилования, мародёрства «даже на неприятельской земле».

четвертование, прожигание языка, в более ранние времена применялись к осужденным за совершение богохульства и оскорбления святого имени Бога. Наказание в виде сожжения обычно применялись в отношении людей, осужденных за совершение чародейства, колдовства, фальшивомонетничества. Волочение по улицам и закапывание в позорном месте в качестве предупредительного наказания применялись, как правило, при совершении самоубийства.

В царской России до законодательной отмены «крепостного права» «сверху» любая письменная жалоба православного помещика на своих упрямых крестьян рассматривалась властями как «смута» и «волнение» независимо от характера совершённого им непослушания и проступка. Привычная лень, пьянство, кража, поджог, предумышленное или непредумышленное убийство квалифицировались как подрыв существующего государственного правопорядка. Именно поэтому российское уголовное законодательство нуждалось в существенных поправках и изменениях. Законодательное признание бесценного (абсолютного) богоданного достоинства каждого человека, к сожалению, не привело тогдашнюю Россию к отмене таких телесных наказаний, как пожизненное клеймение преступников, применение против них плети и розог.

По «крепостному праву» и уголовному законодательству от телесных наказаний освобождались только лица из православного духовенства, дворянского рода, купцы первой и второй гильдии, члены их семей, а также высшие должностные лица местных органов власти и управления. Очевидно, что в этом проявилось чисто сословное понимание российским законодателем человеческого достоинства, при котором учитывалось не абсолютное богоданное достоинство каждого человека как образа и подобия Господа Бога Иисуса Христа, а какие-то слишком по-своему внешне воспринимаемые личные черты и социально-этнические условия и привилегии. Всё это говорило о том, что в России у большинства людей, в частности, большинства юристов, законодателей и судей не было целостного понятия сущности и духовных целей уголовного права и наказания. Не было также правильного понимания доброй совести человека и личного покаяния. Так называемая тогда Греко-русская православная церковь при «крепостном праве» должным образом не просвещала власть предрержащих должностных лиц, не оказывала достаточного воспитательного, просветительского, духовно-образовательного влияния на верное правосознание российских законодателей, чиновников и судей, что вредно сказывалось на явной противоречивости производимых законодательных, правоприменительных и судебных процессов. Замеченный нами существенный духовно-нравственный упадок и разложение народного правосознания и государственного законодательства, возможно, и стал одной из основных главных причин последующего и донныне продолжающегося в современной России «правового нигилизма», беспредела и безответственности во всех сословиях российского общества.³⁰

Для осуществления надлежащего надзора и контроля над идеологическими и политическими движениями в России русский царь Николай I, после декабрьского восстания 1825 года, в 1826 году создал особую или

чрезвычайную «тайную полицию», так называемое, «Третье Отделение Собственной Его Величества Канцелярии». Главной задачей этого ведомства было признание «вдов и сирот», и официальный герб его был платок, врученный Николаем I первому его главе. Платок являлся символом осушения слез всех «униженных и оскорбленных». Между тем, «Третье Отделение» выполняло также специальную роль тайной полиции, которая следила за действиями всех «неблагонадёжных лиц» и своими засекреченными производными действиями вызывало больше беспокойства в русском обществе, нежели надлежащего правопорядка. Штат тайной полиции был невелик и насчитывал в среднем до сорока служащих, однако внештатных тайных агентов и соглядатей (авт. — «добровольных стукачей») было несравненно больше. Полиция оплачивала специальные услуги множества своих внештатных агентов и осведомителей, которые периодически посещали ярмарки, кабаки, салоны и другие присутственные места, тайно подслушивали и подглядывали людей для получения данных о политических настроениях в русском обществе.

При «Третьем Отделении» имелся «Корпус жандармов» численностью в несколько тысяч служащих, одетых в «синие мундиры»³¹ и носящих «белые перчатки». Основной функцией полицейских жандармов являлась защита православных и самодержавных основ государства и его безопасности. Полномочия этих спецслужб, для которых подбирались люди особого склада души и умы (как правило, не имеющих личного достоинства и совести, которая им мешала бы слепо исполнять данные им противоправные и безнравственные задания), были несравненно шире полномочий обычных полицейских органов. Агенты этих спецслужб «тайной полиции» бдительно и зорко следили за пребывающими в России иностранцами, отечественными религиозными и политическими вольнодумцами и инакомыслящими. Агенты тайной полиции и политические жандармы оставались вне контроля других правительственных ведомств, так как отчитывались лично только перед самим государём-императором.³² Всякое свободомыслие и ли вольнодумство в тогдашней России категорически запрещалось.

Под цензурным контролем и запретом оказалось творческие труды многих русских литературных деятелей и критиков существующих крепостных порядков. Одним из «неблагонадёжных» лиц был, например, известный русский «разночинец» и яростный критик «крепостного режима» «неистовый Виссарион», т.е. В.Г. Белинский, который в более зрелые свои годы окончательно и бесповоротно усомнился в осуществимости своей радужной юношеской мечты о революционно-демократической России и заметил в полном душевном смятении и отчаянии следующее: «В понятии нашего народа свобода есть воля, а воля — озорничество. Не в парламент пошел бы освобожденный русский народ, а в кабак побежал бы он, пить вино, бить стекла и вешать дворян, которые бреют бороду и ходят в сюртуках, а не в зипунах... И в самом деле, самым доступным средством уйти от действительности было пьянство»³³. Таково было многовековое пагубное

31 Великий русский поэт М.Ю. Лермонтов обращался к ним как к «мундирам голубым».

32 Заметим, что основоположниками и первыми начальниками «Третьего Отделения» были прибалтийские немцы А. Х. Бенкендорф и его помощник М. Я. Фок.

33 См.: Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. М., 1941. С. 65.

30 Отрицания и неуважения к надлежащей и непреходящей идее права и абсолютному богоданному достоинству его основных субъектов — равнодостоинных и полноправных русских крестьян как разумных, свободных и ответственных людей.

действие «крепостного права» на правосознание и бытовую психологию суеверных, левоверных, духовно невежественных, необразованных, напуганных, поработанных и безответственных русских мужиков.

Известно, что для дальнейшего устрашения и закабаления русских крестьян в 1846 году высокопоставленным царским налогоплательщикам «господам-помещикам» и своевольным «хозяевам жизни» России даже было законодательно разрешено строить в своих имениях свои тюрьмы для полного и жестокого заточения провинившихся крестьян сроком на три месяца. Хозяева крепостной жизни даже обладали правом заковывать своих непослушных крестьян в железные кандалы. Помещики также были наделены правом по своему усмотрению насильно сдавать своих провинившихся крестьян в рекруты или вовсе ссылать их из имения в распоряжение губернского правления.³⁴

Дело в том, что действующий Свод российских законов неправомерно устанавливал своеобразный институт «вотчинного правосудия», который позволял помещикам произвольно «чинить расправу» над своими непослушными крестьянами. Они имели неправомерно узаконенное право своевольно и беспощадно сечь принадлежащих им крестьян розгами, держать их под арестом в сельской тюрьме, заточать их в рабочем или смиренном доме, в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства сроком до шести месяцев. Безобразное «крепостное право» позволяло «хозяевам жизни» рассматривать живых Божьих людей как неодушевленные предметы, предназначенные для прибыльного торга, выгодной мены, залога, дачи в приданое, завещания. Иногда бесправных православных русских крестьян-мужиков и членов их семей их господа-помещики и иные «хозяева жизни» России по разным причинам умышленно распродавали раздельно, как не имеющие богоданного и бесценного человеческого достоинства и чести неодушевленные и делимые дешёвые товары. Все эти зверства и ужасы, естественно, способствовали назреванию будущих народных недовольств, крестьянских мятежей и кровавых бунтов, так как не могли иметь ничего общего с непреходящей и благой идеей права, свободы, ответственности, духовного, нравственного и правового просвещения, а также нормального развития богообразной и богоподобной, достойной и ответственной человеческой личности.³⁵

В этом смысле не совсем понятно, как такой узаконенный всеобщий позор и унижение человеческого достоинства могли допустить благочестивые иерархи Русской православной церкви и все воцерковлённые ими глубоко верующие высшие чиновники Российской Империи. Не потому ли некоторые мыслящие люди называли крепостническую Россию «тюрьмой народов», в которой, наряду с простыми русскими людьми, страдали также иные христианские и нехристианские нации и народы³⁶? Примечательно то, что с 1836 по

1851 год по причине массового недовольства крепостных крестьян невыносимым гнётом были убиты около полутораста помещиков.³⁷

Надо заметить, что самые первые попытки законодательной отмены крепостного права «сверху» произошли ещё в 1807 году в российских губерниях царства Польского по Декрету Наполеона Бонапарта 1807 года, когда польские крестьяне получили личную свободу без каких-либо земельных прав. Затем нечто подобное произошло в 1846-1847 годах на западных территории Российской Империи — в Киевской, Волынской и Подольской губерниях, заселённых преимущественно незакрепощёнными поляками. Тогда были введены в действие так называемые «инвентарные правила», по которым было определено то количество земли, которые помещики должны были отдавать крестьянам за счёт соразмерных крестьянских повинностей. После этого русский император Николай I, при котором была проведена существенная кодификация российского законодательства,³⁸ по поводу отмены «крепостного права» в своём обращении к членам Государственного Совета с нескрываемым беспокойством заявил: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к оному теперь — было бы злом, конечно, ещё более гибельным».³⁹ Иными словами, многие духовно просвещённые и образованные сознали необходимость коренных законодательных и социально-политических преобразований в крепостнической России, но все боялись каких-либо значительных перемен в отсталой России.

Дело в том, что личная воля закрепощённого и подневольного русского мужика-крестьянина представлялась многим русским правителям, духовным и светским правителям и помещикам несравненно большей угрозой и злом, нежели само человеконенавистническое «крепостное право». Следует заметить, что русские крестьяне имели неразвитое чувство и понятие личного достоинства и частной собственности, хотя и имели развитые приобретательские инстинкты так называемых «воришек» или «несунов» в самой уродливой форме. Деревенская община, или «мир» в какой-то мере сдерживали своекорыстные и воровские инстинкты и привычки русского мужика, для которого коллективные интересы представлялись выше его индивидуальных интересов. Внешний мир воспринимался необразованным большинством русских людей довольно неверно, искажённо и отчуждённо, так как он состоял черно-белой картины противостоящих друг другу «православных русских» в образе «Святой Руси» и из окружающих её врагов в виде отсталых азиатов — татарских басурман — и западноевропейских иноверцев и иноземцев, т.е. неправославных «ересей-

34 Васильев А.В. Законодательство и правовая реформа дореволюционной России. М.-СПб., 2004. С. 145.

35 См.: Осипян Б.А. Права и свободы человека как средство реализации его достоинства и призвания // Церковь и время. 2007. № 4. С. 14-31; Достоинство человека как высшая правоохраняемая ценность // Вопросы правоведения. 2011. № 1 (9). С. 85-101; Смысл жизни человека в контексте непреходящей идеи права // Вопросы правоведения. 2012. № 1. С. 23-40.

36 Примечательно то, что Соборное Уложение 1649 года отчасти категорически запретило православным русским монастырям приобретать всё новые и новые вотчины и закабалить на их зем-

лях всё новых и новых рабов из русских крестьян, наемных рабочих, скоморохов, нищих, «вольных и гулящих людей».

37 Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века. Учебное пособие. / Под ред. В.В. Керова. М., 2009. С. 366.

38 При царе Николае I было в основном завершено строительство здания русской бюрократии с её разветвлённой и сложной структурой, нескончаемыми потоками приказов, циркуляров и запросов, которые давали столоначальникам разного уровня больше возможностей для всяких злоупотреблений, нежели царю для нормального правления страной.

39 См.: Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. Издательство Белорусского Экзарха. Минск, 2006. С. 305-306.

латинян», не говорящих на русском языке и непонятливых «немцев-лютеран», побеждённых «французов-шарамыжников», непокорных «польских шляхтичей» и т.д.

В этой связи великий русский писатель Н.В. Гоголь в своё время обратил внимание на многочисленные идеологические разногласия, которые возникли в России после открытия её всему западному миру: «Чтобы узнать, что такое Россия нынешняя, нужно непременно по ней проездиться самому....Ещё никогда не бывало в России такого необыкновенного разнообразия и несходства во мнениях и верованиях людей, никогда ещё различие образований и воспитания не оттолкнуло так друг от друга всех и не произвело такого разлада во всём».⁴⁰ И этот социально-идеологический разлад впоследствии приведёт Россию к великим социальным потрясениям и государственно-правовым преобразованиям.

В XIX веке до отмены «крепостного права» большинство непросвещённых русских людей по причине своей чрезвычайной замкнутости и погруженности в свои повседневные бытовые заботы и дела не знали, что в мире существуют другие не менее цивилизованные нерусские народы и христианские правители. Согласно народной поговорке «чужие слезы — вода» они хитроумно следовали своим ура-патриотическим и болотным предрассудкам, согласно которым всегда и везде самообольщённо воображали себя сильной и шустрой щучкой среди дремлющих мелких карасей — других малочисленных народов. Короче говоря, своё невежественное, неправомерное и подневольное рабское состояние они надменно и гордо считали чем-то естественным и должным. По этому поводу некоторые мыслители, подобно Аристотелю, считали, что «некоторые народы плохи на свободе и хороши в рабстве».⁴¹ По такому суеверию они и получали от жизни всё, чего они весьма патриотично и преданно искренне и задушевно хотели — «страну рабов, страну господ» вместо достойной для честного, свободного и ответственного человека благоустроенной жизни.

Между тем, насущная жизненная необходимость прорывалась сквозь железные преграды узаконенного и веками действовавшего «крепостного права» в России. Возможно, именно поэтому сторонники крепостного рабства, полагая, что освободительные реформы русского царя-императора являются «преждевременными» или чрезмерными, всячески пытались затормозить дело крестьянского освобождения, которое было предпринято новым русским «Царём-Освободителем» Александром II, кто пророчески и смело сказал: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнёт отменяться снизу...».⁴² В этой связи в начале 1857 года был учреждён Секретный комитет для подготовки крестьянской реформы, а в губерниях были созданы губернские комитеты для обсуждения условий крестьянского освобождения и бытового устройства. Впоследствии Секретный Комитет был переименован в Главный Комитет по крестьянскому делу и подготовке освободительной реформы. Государь открыл заседание Государственного Совета и заявил, что он «желает, требует и повелевает» максимально ускорить дело

крестьянского освобождения и посоветовал всем, чтобы государственные мужи, «отложив все личные интересы, действовали не как помещики, а как государственные сановники, облечённые Его доверием».⁴³ Увы, но это высокое доверие русского царя так и не было оправдано большинством православно-церковных и государственных слуг, а также порабощённого ими народа.

В крепостной России многие русские чиновники и крестьяне в подавляющем большинстве не имели верного понятия о надлежащей и непреходящей идее права, правомерного закона, «правомерности» и государственном «законоправии».⁴⁴ По русскому обычному праву, которое упорядочивало повседневную жизнь сельских общин, признание подозреваемого или обвиняемого считалось самым веским и убедительным доказательством его вины. Поэтому любое непослушание или неповиновение крестьянина помещику или какому-либо мелкому государственному или местному чиновнику рассматривалось и жестоко каралось как преступление против установленного государственных властями политического режима. К примеру, недозволенное властями пресечение пределов многопрофессиональной и многонациональной Российской Империи или переход в подданство какого-то иностранного государства однозначно считалось вероломной изменой отечеству и тяжким государственным преступлением, влекущим за собой наказание в виде лишения виновного лица всех прав состояния и всегдашним изгнанием за пределы России.

Все ужасные и пагубные последствия многовекового действия «крепостного права», наконец, привели к тому, что 19 февраля 1861 года были составлены и опубликованы в форме знаменитого «Манифеста об основных положениях об освобождении крестьян от крепостной зависимости», в котором провозглашалось следующее: «Крепостное право на крестьян, водворённых в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда и им предоставляются права свободных сельских обывателей».⁴⁵ И это было начало конца многовекового узаконенного рабства большинства простых русских тружеников.

И, тем не менее, надо отметить, что благородная государева воля освободить свой народ от рабского ига нашла яростное сопротивление со стороны большинства русских чиновников, дворян и помещиков, которые привыкли почти задаром эксплуатировать тяжкий труд своих подневольных православных братьев во Христе и жестоко расправляться с ними при любом их непослушании и непокорстве. По этой причине последующие законодательные реформы по освобождению русских крестьян из-под ига их хозяев были весьма противоречивыми и непоследовательными, что ещё более усиливало социальную напряжённость в России и привело к русским грядущим революциям и гражданским войнам.⁴⁶ Царское законодательство в дореволюционной России составлялось и действовало не на основе надлежащей и непреходящей идеи права, а на

43 См.: Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. Издательство Белорусского Экзарха. Минск, 2006. С. 316.

44 Под понятием «законоправие» имеется в виду нечто вроде западноевропейского и американского государственно-правового понятия «the Rule of Law».

45 См.: Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. Издательство Белорусского Экзарха. Минск, 2006. С. 316.

46 См.: Осипян Б.А. Противоречивость дореволюционного российского законодательства как существенное условие будущих революционных потрясений // История государства и права. 2009. №14, №15, № 16. С. 31-33. С. 34-36. С. 30-34.

40 Гоголь Н.В. Нужно любить Россию. О вере и Государстве Российском. СПб, 2007. С. 191, 205.

41 Олгарий А. Описание путешествия в Московию. М., «Российские семена», 1996. С. 205.

42 См.: Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. Издательство Белорусского Экзарха. Минск, 2006. С. 315.

крайне низком уровне наличного чиновничьего и общенародного правосознания, на отсутствии единой христианско-правовой идеологии и правомерной экономической политики, на произволе своекорыстных карьеристов и вороватых (коррупцированных) чиновников-казнокрадов, которым, кроме «чести мундира», неведомы были такие простые правовые понятия, как богоданное достоинство и честь каждого человека, необходимые правомерные свободы и ответственность для поддержания временного земного порядка и спасения своей и каждой иной бессмертной человеческой души в вечной жизни⁴⁷.

Список литературы

1. Сперанский М.М. по кн.: История государства и права России. В документах и материалах. Минск, 2005. С. 230. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времён до 1861 г. /Сост. П.П. Епифанов, О.П. Епифанова. М., 1987. С.341/
2. См.: Осипян Б.А. Русский язык как ключ к познанию духа русского права //Современное право. 2007. № 9. С. 23-29. Истоки русского правосознания //Современное право. 2008. № 3. С. 53-59.; № 4. С. 55-59. «Русская Правда» как зародыш русского права //Lex Russica. 2011. № 4. С. 651-667.
3. Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. Издательство Белорусского Экзарха. Минск, 2006. С. 209.
4. Осипян Б.А. Судебник 1550 года, «Домострой» и иные уставные царские грамоты и указы как законодательное проявление святорусского правосознания //История государства и права. 2012. № 17. С. 13-20.
5. Осипян Б.А. Русская Правда» как зародыш русского права //Lex Russica. 2011. № 4. С. 651-667. //Религия и право. 2011. № 4. С. 39-46. Объединяющая и направляющая сила духа русского права //История государства и права. 2010. № 20. С. 40-43.
6. Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж. Массачусетс. 1974. С. 35-47.
7. Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. М., 1941. С. 65
8. Васильев А.В. Законодательство и правовая реформа дореволюционной России. М.-СПб., 2004. С. 145.
9. Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века. Учебное пособие. / Под ред. В.В. Керова. М., 2009. С. 366.
10. Гоголь Н.В. Нужно любить Россию. О вере и Государстве Российском. СПб, 2007. С. 191, 205.
11. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М., «Российские семена», 1996. С. 205.
12. Осипян Б.А. Противоречивость дореволюционного российского законодательства как существенное условие будущих революционных потрясений //История государства и права. 2009. №14, №15, № 16. С. 31-33. С. 34-36. С. 30-34.

---

47 См.: Осипян Б.А. Право как верный путь к порядку и душе-спасению, или два главных вектора действия надлежащей и непреходящей идеи права //Вестник развития науки и образования. 2015. № 4. С. 4-20.